

© М. Б. МИРСКИЙ, 1995

УДК 614.25:93 «XVI—XVII»

Доктор мед. наук М. Б. Мирский

АНГЛИЙСКИЕ ВРАЧИ В РОССИИ В XVI—XVII ВЕКАХ (ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ МЕДИЦИНСКИХ СВЯЗЕЙ)

ВНИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко
Минздравмедпрома РФ, Москва

Начало интенсивных и систематических русско-английских связей относится к середине XVI века, ко времени царствования в России Ивана Грозного, а в Англии — короля Эдуарда.

В 1553 г. в Россию, на Белое море, в устье Северной Двины, где теперь находится город Архангельск, прибыл корабль “Эдуард — Благое предприятие” (“Эдуард — Бонавантура”) во главе с капитаном Ричардом Ченслором. В составе экипажа его корабля был хирург Томас Уолтер. Этот корабль входил в экспедицию, которую возглавлял капитан Хью Уиллоуби: к сожалению, Уиллоуби и его спутники (среди них хирурги Александр Гардинер и Ричард Мольтон) на корабле

“Надежда” сбились с пути, вынуждены были зимовать в Лапландии и погибли. Что же касается капитана Ченслора, то он побывал в Москве и был благосклонно принят царем Иваном Грозным.

В 1555 г. в Англии была образована “Московская (Российская) компания”, было положено начало торговым, а потом и культурным связям двух стран.

Русско-английские контакты становились все более оживленными. Так, в конце 1556 — начале 1557 г. в Англии побывало первое русское посольство — вологодский дворянин Осип Непея со свитой из 16 человек, холмогорские купцы Фофан Макаров, Михайло Григорьев, толмач Роберт

Бест. В Россию Непея возвращался вместе с Антонием Дженкинсоном, которого сопровождали, в числе других, врач (доктор Стэндиш) и аптекарь. В Москве прибывших англичан принял и пригласил к обеду сам царь Иван Грозный. Царь прислал доктору Стэндишу и другим англичанам лошадей для поездок по городу. Стэндиш получил соболью шубу, покрытую травчатым бархатом, и 70 р. (аптекарь и прочие — по 30 р.). Он еще несколько раз обедал у царя — это было знаком особой милости.

После этого, Антоний Дженкинсон бывал в России неоднократно; выполняя поручения королевы Елизаветы, он всякий раз беседовал с Иваном Грозным и вручал ему письма английской королевы. Русский царь в свою очередь тоже давал поручения Дженкинсону. Так, 1 октября 1566 г. Иван Грозный поручил ему завербовать в Англии искусного архитектора, выписать также врача, аптекаря и мастеров, умеющих отыскивать серебро и золото. С этими поручениями зимой 1566-1567 гг. Дженкинсон отправился в Лондон. Летом 1567 г. он вновь прибыл в Москву и вручил царю письмо от королевы, написанное 18 мая 1567 г., в котором, между прочим, она сообщала, что разрешила отправиться в Россию лицам, которых он затребовал. Действительно, тогда же в Москву прибыли доктор Рейнольдс, аптекарь Томас Карвер и хирург, а также инженер Хэмфри Локк и др. В письме в Англию инженер Локк сообщал, в частности, что “доктору пожаловано 200, аптекарю 100, хирургу 50 рублей”.

Кстати, в это время в Москве уже был известен доктор Арнульф Линдсей: близкий к царю князь Курбский свидетельствовал, что Иван Грозный к нему “великую любовь всегда показывавше, обаче лекарства от него никакого приймаше”. Доктор Линдсей умер в Москве в 1571 г. В том же году погиб в Москве и аптекарь Томас Карвер, пытавшийся во время пожара спастись в погребе дома Российской компании на Варварке.

Был при Иване Грозном доктор Ричард Ригерт, о котором 1 июня 1569 г. царь писал Елизавете: “Был в нашем царстве вашего королевства английской земли доктор Ригерт и служил нам и по прошению его пожаловали мы его милостиво отпустили в Английскую землю”.

Из Англии в Москву прибыл еще один врач — доктор Елисей Бомель (Бомелий). Это был голландец из Везеля в Вестфалии; изучал медицину в Кембридже, однако известен он был не как врач, а как астролог: “В Лондоне народ стекался к нему как к колдуну; были его почитатели и из знати”. Это вызвало соответствующую реакцию церкви: в 1570 г. по указанию архиепископа Мэтью Паркера Бомель был посажен в тюрьму.

Из тюрьмы его вызволил находившийся тогда в Англии русский посланник Савин, который предложил Бомелю поехать в Россию. Тот сразу же согласился, а английские власти тотчас дали разрешение, радуясь возможности освободиться от него. Вскоре Бомель прибыл в Москву и быстро вошел в доверие к Ивану Грозному, плетя различные коварные интриги, разжигая у царя присущие ему болезненную подозрительность и склонность к суевериям. Говорили, что он готовил яды, жертвами которых пали многие бояре. В Московской летописи 1570 г. упоминалось, что “к царю немцы прислали немчина лютого волхва нарицаемого Елисея и быть ему любим и в приближении”. Пользуясь благоволением царя, Бомель в Москве жил в роскоши и, сверх того, отправлял через Англию много денег и дорогих вещей в Вестфалию. Однако, по словам хорошо знавшего его англичанина Горсея, он оставался всегдешним врагом Англии. Бомель оказался и врагом России — он вступил в заговор в пользу польского и шведского королей, но, уличенный в тайных сношениях со Стефаном Баторием, был разоблачен и в 1580 г. публично казнен в Москве. Впоследствии по просьбе королевы Елизаветы его вдова, англичанка Анна Ричардс, в 1589 г. была отпущена на родину царем Федором Иоанновичем.

Иван Грозный, как известно, состоял в постоянной переписке с королевой Елизаветой. К ней-то и обратился он после истории с Бомелем с просьбой прислать в Москву несколько искусных и верных докторов и аптекарей. Королева Елизавета быстро откликнулась на эту просьбу. В 1581 г. в Москву прибыл доктор Роберт Якоби, аптекарь Джемс Френчем, хирург Ричард Элмес и др. “Посылаю тебе доктора Роберта Якоби как мужа искуснейшего в лечении болезней, — писала Елизавета Ивану Грозному, — уступаю его тебе, брату моему, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для

того, что тебе нужен. Можешь смело вверить ему свое здоровье. Посылаю с ним, в угодность тебе, аптекарей и цирюльников волею и не волею, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях”.

Интересно, что Российская компания в Лондоне дала доктору Якоби при отъезде 100 р. и в Москве первое время содержала его на свой счет — до тех пор, пока через несколько месяцев, в декабре 1581 г., Иван Грозный не назначил ему жалованье.

Прибытие в Москву доктора Якоби и аптекаря Френчема совпало с важной датой в истории русской медицины: основанием царской аптеки и созданием Аптекарского приказа — первого органа государственного управления медицинским делом в России.

Доктор Якоби сумел приобрести благосклонность Ивана Грозного и даже, по некоторым источникам, стать его любимцем. Об этом свидетельствует тот факт, что он предлагал царю, к тому времени уже несколько раз женатому, в качестве очередной невесты леди Мэри Гастингс, дочь графа Гунтингтона и близкую родственницу королевы Елизаветы. Сватовство царя не увенчалось, однако, успехом.

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. доктор Якоби и аптекарь Френчем возвратились в Англию, но в 1586 г. вновь приехали в Москву. Интересно, что по царскому приказу встречать доктора Якоби в Вологду выехал боярин Курган Салтыков: он снабдил английского врача деньгами и лошадьми и провожал его до Москвы — такой чести тогда удостоивались самые важные особы.

В это же время, в 1586 г., преемник Ивана Грозного царь Федор Иоаннович обратился к королеве Елизавете с просьбой прислать для его жены, царицы Ирины Федоровны, опытную акушерку (повивальную бабку). Королева выполнила эту просьбу, однако акушерку почему-то в Москву не пустили: она доехала до Вологды, целый год прожила там и вынуждена была вернуться домой ни с чем.

Позднее, в 1594 г., королева Елизавета послала в Россию доктора Марка Ридлея — он пробыл в Москве 4 года и возвратился в Лондон. Отпуская доктора Ридлея домой, правивший тогда царь Борис Годунов написал королеве Елизавете, что “ежели и впредь пожелают приезжать в Россию английские врачи, аптекари и иные ученые люди, то всегда будут пользоваться хорошим приемом, пристойным местом и свободным отпуском”.

Взамен Ридлея королева направила к царю Борису Годунову доктора Тимофея Виллиса, дав ему попутно некоторые политические поручения. Последнее повредило Виллису. В беседе с государевым дьяком Василием Щелкановым он не смог удовлетворительно объяснить свою миссию и вскоре по повелению царя Бориса Годунова вынужден был покинуть Россию.

Английские и другие иностранные доктора и аптекари охотно ехали служить в Россию, в Аптекарский приказ, так как получали здесь большое жалованье и другие привилегии. Так, современник царя Бориса Годунова пастор Мартин Бер писал: “Каждому из придворных докторов отпускали ежемесячно знатное количество хлеба, 60 возов дров и бочку пива, ежедневно штоф водки, уксусу и запас для стола, ежедневно три или четыре блюда с царской кухни. Государь давал им обыкновенно по пяти лошадей верховых и каретных. Всякому отводили деревню с тридцатью или более работниками. Когда царь принимал лекарство и когда оно хорошо действовало, то медиков дарили камнями, бархатами и собольями; дарили также за лечение бояр и сановников”.

Следует отметить, что иностранные медики в Аптекарском приказе получали гораздо большее жалованье, чем русские лекари.

Среди медиков, трудившихся тогда в России (а это были преимущественно иностранцы, хотя увеличивалось, особенно с середины XVII века, и число русских лекарей), следует отметить доктора Артемия (Артура) Дия. Он родился в 1579 г. и был сыном известного математика, доктора Джона Дия из Мортлека. Артемий Дий изучал медицину в Оксфордском университете, пользовался репутацией образованного врача и служил лейб-медиком у английского короля Иакова. По просьбе царя Михаила Федоровича — родоначальника династии Романовых — король в 1621 г. отпустил доктора Дия в Москву; он выехал туда с русским посланником Исаком Ивановичем Погожевым. В Москве ему назначили большое жалованье — 250 р. в год и ежемесячно “на стол” 72 р. — всего

1114 р. серебром, а также вручили богатые подарки: бархат гладкий, бархат рытой, камка куфтер, атлас лазоревый, сукно багрец, сукно лундыш, сорок соболей и 70 р. денег. Вскоре в Москве у доктора Дия уже был большой каменный дом близ Никитских ворот; на несколько лет ему дали в пользование расположенное под Москвою поместье, принадлежавшее князю Юрию Хворостнину.

В Москве, в Аптекарском приказе, доктор Дий прослужил 5 лет, а в 1626 г. уехал в отпуск в Англию.

Русские цари высоко ценили услуги иностранных врачей. Так, Артемий Дий получил перед отъездом в отпуск на родину щедрые подарки — 40 соболей на 100 р., 2 сорока соболей по 80 р., 40 соболей по 40 р.: всего дано на 300 р. Чтобы он мог увезти все нажитое в России, ему бесплатно предоставили 20 подвод от Москвы до Архангельска.

Через год, в 1627 г., доктор Дий возвратился в Москву и вновь стал трудиться в Аптекарском приказе. Он по-прежнему пользовался благоволением царя. В архиве Аптекарского приказа сохранилась челобитная, в которой Артемий Дий в 1631 г. просил у царя Михаила Федоровича разрешения послать “в научение дохтурству за море двух сынишков своих”. Такое разрешение было ему, по всей вероятности, дано.

Интересно, что в 1629 г. доктор Дий написал на латинском языке научный труд. Вот его полное название: *Fasciculus chemicus abstrusae hermeticae scientiae ingressum, progressum, coronidem, verbis apertissimis explicans, ex selectissimis et celeberrimis authoribus, tali serie collectus, et dispositus, ut non modo huius arti tyronibus, sed candidatis, summo emolumento, instar speculi Philosophiae habeatur, a nemine hac methodo distributus. Opera et studio Arthuri Dee, Archiatri Magni Imperatoris totius Russiae.* Предисловие к читателю подписано: *Ex Musaeo nostro, Moscauae Kalend. Martii 629.* Труд этот был напечатан в том же 1629 г. в Базеле и потом, в 1631 г., в Париже, а Элиас Ашмоль перевел его на английский язык и издал в 1650 г. с анаграммой своего имени: *James Nasolle.*

Прослужив в России в общей сложности 12 лет, Артемий Дий в 1634 г. возвратился в Англию, где вновь стал лейб-медиком короля.

В XVII веке в России трудились и другие английские медики. Как свидетельствуют архивные документы Аптекарского приказа, в 1631 г. англичанин Ульян Иванов Смит “по Государеву указу послан был в аглинскую землю для аптекарских лекарств и дохтуров и иных мастеровых людей”. Возвратившись, он привез с собой и медиков: это были “обтекарь Роман Ульянов с женою... да два лекаря Матвей Килфин, Елизарий Ролонт да с ними два человека”.

Интересна последующая судьба этих медиков. Лекарей Матвея Килфина и Елизария Ролонта по указу царя Аптекарский приказ направил в войска. В архивных документах указано, что в октябре 1632 г. под Смоленск был командирован лекарь Елизарий Ролонт, а в феврале 1633 г. врач Матвей Килфин был послан в Пермь Великую. Кстати, доктор Ролонт прослужил в России 20 лет.

Что касается аптекаря Романа Ульянова, то он прослужил в России почти 25 лет и только в 1655 г. уехал в Англию. Как сказано в архивных документах, ему наказывалось “в своей земле в свое место призвать аптекаря доброго и аптекарскому делу навычного, такова же, каков он Роман”. В 1656 г. Роман Ульянов прислал из Англии другого аптекаря — Романа Бениана.

В марте 1658 г. царь Алексей Михайлович, по данным архивных документов Аптекарского приказа, “указал торговому иноземцу Ивану Гебдону в английской земле призвать дохтура доброва и навычного, да ему Ивану указал Государь призвать прежнего аптекаря Романа Тиу”. Поручение это было исполнено. Позднее, в 1663 г., царского величества резидент Иван Гебдон прислал из английской земли, как сказано в архивных документах, “во шти сундуках да в дву боченках да в точке за Ивановым клеймом Гебдона” купленных аптекарских запасов.

Большим авторитетом пользовался доктор Самуил Коллинс, изучавший медицину в Кембридже и Оксфорде. Его пригласил в Россию Иван Гебдон; с 1659 по 1666 г. доктор Коллинс служил в Аптекарском приказе и был придворным врачом царя Алексея Михайловича. На прощание, как показывают архивные документы, царь подарил ему серебряный кубок с кровлею весом 2 гривенки 19 золотников, 10 аршин бархату, 10 аршин атласу, 10 аршин камки куфтеру, 2 сукна по 4 аршина, 40 соболей на 45 р., 70 р. денег. Иван Гебдон пригласил в Москву и доктора Томаса Вильсона — правда, тот пробыл в России лишь около 2 лет, с 1665 по 1667 г., но при отъезде тоже получил щедрые подарки.

Надо упомянуть и о том, что одной из высших царских наград была его личная аудиенция. Только немногие, наиболее выдающиеся врачи были допущены на аудиенцию к царю. Этого удостоились, например, Артемий Дий (1621) и Томас Вильсон (1666). Как свидетельствовали очевидцы, это были очень торжественные приемы.

Деятельность английских врачей в Аптекарском приказе способствовала укреплению их личного авторитета и авторитета английской медицины. Об этом свидетельствует и такой факт. В 1629 г. царь Михаил Федорович послал уроженца России Иоганна Элмстона — сына переводчика Посольского приказа Ивана Фомича Элмстона — изучать медицину именно в Англию, в Кембриджский университет; через 13 лет он возвратился в Россию доктором медицины.

Следует сказать, что в иных историко-медицинских работах, написанных в 40 - 50-е годы, содержались утверждения о том, что среди иностранных врачей, приезжавших в Россию, было немало авантюристов. Разумеется, исключить такого нельзя. Однако в XVI-XVII веке прибывавшие к нам иностранные доктора обязательно представляли царю рекомендательные письма (своего рода верительные грамоты) от своих монархов, в которых давалась оценка их врачебного мастерства. Это относилось и к английским врачам. Так, Роберт Якоби, Марк Ридлей представляли грамоты от королевы Елизаветы, Артемий Дий — от королей Иакова и Карла, Чамберлен и Элмстон — от короля Карла.

“Все эти иностранцы-врачи были далеко не авантюристы, это были в большинстве случаев люди, составившие себе раньше хорошую репутацию на родине, — справедливо писал еще в конце прошлого века историк медицины Ф. Л. Герман, — да и попасть врачом в Московскую Русь было делом не легким. Наши предки были не настолько наивны, чтобы довериться первому встречному, а, наоборот, приглашали иноземных врачей с большой осторожностью”.

Деятельность английских врачей в России в XVI-XVII веке заложила основы последующего плодотворного развития русско-английских медицинских связей.